

ПОЭТИКА ЖЕСТОКОГО РОМАНСА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА

© 2025 г. С.П. Сорокина

Аннотация. В статье рассматриваются ранние стихотворения С. Есенина: «Под венком лесной ромашки...» (1911), «Темна ноченька, не спится...» (1911), «Хороша была Таныша, краше не было в селе...» (1911), «Подражание песне» («Ты поила коня из горстей в поводу...») (1910), «Выткнулся на озере алый свет зари» (1910). Автор ставит целью показать связь этих произведений с таким жанром фольклора, как жестокий романс. В статье выявляются сюжетно-композиционные элементы жестокого романса, на которые опирается Есенин; проводятся параллели с конкретными фольклорными произведениями, которые, скорее всего, были известны поэту. При этом автор показывает, что рассматриваемые стихотворения Есенина не являются фольклорной стилизацией, в них осуществляется поиск начинающим поэтом своего индивидуального «голоса», что подтверждается тем, что Есенин не стремится ориентироваться на стилистику жестокого романса, а устремлен к поиску оригинального поэтического языка. В статье высказываются соображения о том, почему сюжетно-композиционные элементы жестокого романса оказались востребованы Есениным в начальный период творчества, а также о том, почему при публикации «Собрания стихотворений» (1925) он мог сместить даты создания рассматриваемых стихотворений.

Ключевые слова: С.А. Есенин, ранняя лирика, фольклоризм, жестокий романс, поэтика.

Информация об авторе: Светлана Павловна Сорокина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-0922>

E-mail: sorokinasp@mail.ru

Для цитирования: Сорокина С.П. Поэтика жестокого романса в ранней лирике С.А. Есенина // Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН; Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2025. С. 98–107. — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-98-107>

THE POETICS OF CRUEL ROMANCE IN THE EARLY POETRY OF S.A. ESENIN

© 2025. Svetlana P. Sorokina

Abstract: The article examines the early poems of S. Eсенин: “Under a Wreath of Forest Chamomile...” (1911), “The Night is Dark, I Can’t Sleep...” (1911), “Tanyusha Was Good, there Was No Prettier Girl in the Village...” (1911), “Imitation of a Song” (“You Watered the Horse...”) (1910), “The Scarlet Light of Dawn was Woven on the Lake...” (1910). The author aims to show the connection of these works with such genre of folklore as cruel romance. The article reveals the plot

and compositional elements of a cruel romance, on which Esenin relies; parallels are drawn with specific folklore songs, which were most likely known to the poet. At the same time, the author shows that the poems in question are not folklore stylization, but that Esenin is searching for his individual poetic "voice" in them, which is confirmed by the absence of stylistic parallels between the cruel romance and Esenin's poems. The article suggests why the genre of cruel romance was in demand by Esenin in the early period of his work, as well as why, when publishing *Collected Poems* (1925), he could have shifted the dates of creation of the poems in question.

Keywords: S. Esenin, early lyrics, folklore, cruel romance, poetics.

Information about the author: Svetlana P. Sorokina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6760-0922>

e-mail: sorokinasp@mail.ru

For citation: Sorokina, S.P. "The Poetics of Cruel Romance in the Early Poetry of S.A. Esenin." *Sergey Esenin in the Context of Russian and World Culture*: Acad. and ex. ed. Natalia I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IWL RAS Publ.; Konstantinovo, The State Museum Reserve of S.A. Esenin, Publ., 2025, pp. 98–107 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-98-107>

Исследователи раннего творчества Есенина не раз отмечали разнообразие влияния, которые испытал начинающий поэт в период своего творческого становления: Лермонтов, Надсон, Суриков и поэты-суриковцы, Клюев, Блок — этот список может быть значительно расширен. Безусловно, важную роль в формировании уникального лирического голоса поэта играл фольклор. Одной из граней фольклоризма Есенина и посвящена настоящая статья. В ней рассмотрены пять ранних стихотворений поэта, представляющие, на наш взгляд, определенное единство¹: «Под венком лесной ромашки...» (1911), «Темна ноченька, не спится...» (1911), «Хороша была Танюша, краше не было в селе...» (1911), «Подражание песне» («Ты поила коня из горстей в поводу...») (1910), «Выткнулся на озере алый свет зари...» (1910).

В Полном собрании сочинений Есенина, подготовленном ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, эти стихотворения расположены почти подряд и именно в том порядке, в каком мы их перечислили. Напомним, что в первых трех томах данного издания сохранен тот принцип подачи материала, который был разработан самим Есениным для готовившегося в 1925 г. «Собрания стихотворений» и который был для него принципиально важен. Как отмечают авторы вступительной статьи («От редакции») к собранию сочинений 1995 г., «такой подход к построению "Собрания стихотворений" — отказ от формальной хронологии в рас-

¹ В комментариях к собр. соч. А.А. Козловский использует термин «циклические круги» (Козловский А.А. Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. С. 397. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.).

положении произведений и в то же время четкое указание их последовательности внутри томов — явно диктовался композиционными соображениями, которым поэт всегда придавал первостепенное значение. Есенин рассматривал “Собрание стихотворений” не как издание избранных стихов, а как свод произведений, охватывающий весь пройденный им к тому времени творческий путь” [I, 8]. Упомянем также о том, что датировка всех перечисленных выше произведений вызывает у исследователей определенные вопросы. В первом томе Полного собрания сочинений 1995 г. сохранена датировка самого Есенина из наборного экземпляра «Собрания стихотворений» [I, 392, 403–415]. Однако отсутствие первоначальных автографов заставляет исследователей сомневаться в ее точности. Об этом пишут и авторы комментариев [I, 415–418]². Учитывая первые публикации и имеющиеся списки стихотворений, можно говорить о том, не позднее какого года они были написаны: «Под венком лесной ромашки...» и «Темна ноченька, не спится...» — не позднее 1914 г., «Хороша была Танюша, краше не было в селе...», «Подражание песне», «Выткался на озере алый свет зари...» — не позднее 1915 г. Таким образом, в любом случае стихотворения были созданы в ранний период творчества Есенина, в период его вхождения в литературу, активного поиска своего «голоса», своего места в творческой среде.

Исследователи, изучавшие фольклорные ориентиры Есенина, не раз писали о влиянии на него народной песни. Если говорить о перечисленных выше стихотворениях, то, на наш взгляд, можно конкретизировать, о каком жанре народной лирики идет речь. Основным ориентиром здесь для Есенина выступает жестокий романс. На это, например, указывает В.И. Харчевников, анализируя два из перечисленных мною стихотворений — «Хороша была Танюша, краше не было в селе...» и «Подражание песне» — и используя термин «новая баллада». Однако Харчевников акцентировал внимание на том, что поэт совмещал в рамках одного произведения признаки разных жанров фольклорной песни³. На наш взгляд, поскольку сама новая баллада впитала в себя поэтические особенности предшествующих жанров народной лирики, сложно утверждать, что Есенин сознательно в упомянутых выше стихотворениях разделял фольклорные источники, на которые он опирался («старая» песня, «новая» песня). Скорее всего, фольклорная песенная поэтика в эти его произведения проникала прежде всего через новую балладу или жестокий романс⁴.

² См. об этом также: Куняев С., Куняев С. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 38–39. О сложности датировок ранних произведений Есенина см.: Скорыходов М.В. Сергей Есенин: Истоки творчества (вопросы научной биографии). М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 156–171.

³ Харчевников В.И. Поэтический стиль Сергея Есенина. Ставрополь: [Б. и.], 1975. С. 20–24.

⁴ Эти жанровые группы не имеют твердого разграничения. Термин «новая баллада» чаще используется для характеристики песен, имеющих более разработанную повествовательную сюжетную основу.

В чем же та суть жестокого романа, которая оказалась важна для лирики Есенина периода его творческого становления? В плане сюжета жестокий романс сосредоточен на изображении несчастья в личной жизни. Причем это несчастье подается как неизбежное, роковое, такое, перед которым человек беззащитен⁵. Как правило, в жестоком романсе показывается ситуация выхода за традиционную, «старую» норму поведения или за пределы этической христианской нормы, отражается «кризис традиционных ценностей, связанных с патриархальным укладом русской жизни»⁶, неспособность человека справиться со своими страстями, что и приводит к трагедии. Для выражения такого мироощущения жестокий романс (в меньшей мере новая баллада) часто использует не последовательно и логично развивающийся сюжет, хотя тенденция к «рассказыванию истории» в нем присутствует, а знаки-сигналы определенных ситуаций. Сюжетно-композиционное построение жестокого романа оставляет впечатление недосказанности, поскольку «все» (и создатели-исполнители, и слушатели, т. е. коллектив, в котором бытует жестокий романс) знают, с чем такая ситуация-сигнал может быть связана и чем она может закончиться. Характеризуя эту специфическую особенность жанра, исследователи говорят о монтажности, дискретности построения, «свернутости» сюжета жестокого романа⁷. Главная задача данного жанра — вызвать яркий эмоциональный отклик.

Рассмотрим, как эти черты жестокого романа отразились в перечисленных выше стихотворениях Есенина. Стихотворение «Под венком лесной ромашки...» можно воспринять как своего рода «мужское» переложение жестокого романа «Потеряла я колечко...»⁸. В народной песне колечко⁹ и с ним любовь «милого» теряет девушка и топится, не пережив измены и оставшись с «малюткой на руках». В стихотворении Есенина колечко роняет «в струи пенистой волны» парень и с ним теряет любовь «милашки», у которой появляется «новый друг». Не пережив измены и насмешек, лирический герой заключает свой монолог-рассказ: «Не пойду я к хороводу: / Там смеются надо мной, / Повенчаюсь в непогоду

⁵ Адоньева С., Герасимова Н. «Никто меня не пожалеет...» // Современная баллада и жестокий романс / сост., ст., морфологические таблицы С.Б. Адоньевой, Н.М. Герасимовой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 346–347.

⁶ Костюхин Е.А. Жестокий романс // Современный городской фольклор. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 2003. С. 495.

⁷ Адоньева С., Герасимова Н. «Никто меня не пожалеет...» С. 357–361.

⁸ Восходит к стихотворению поэта-суриковца М.И. Ожегова (1860–1934). В песенниках публикуется с 1893 г. В начале XX в. этот жестокий романс уже имел широкое распространение в народе. Вариант данного романа см., напр.: Песни и романсы русских поэтов / вст. ст., подгот. текстов и примеч. В.Е. Гусева. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 914.

⁹ В.В. Коржан, анализируя это стихотворение, рассматривает, как образ кольца отражен в народной лирике в целом (Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Л.: Наука, 1969. С. 35). Нас интересует конкретная сюжетная ситуация, в которой этот образ-предмет оказался востребован жестоким романсом и стихотворением Есенина.

/ С перезвонною волной» [I, 19]. При этом начало стихотворения, говорящее о том, что лирический герой — рыбак (напомним, что изначально стихотворение так и называлось «Рыбак», но в «Собрании стихотворений» поэт отказался от названия), вызывает ассоциации с другим жестоким романсом, который начинается словами «Сидел рыбак веселый на берегу реки...»¹⁰. Таким образом, стихотворение воспроизводит излюбленную в жестоком романсе коллизию любовной измены и гибели в результате нее героя.

Та же тема представлена в стихотворении «Хороша была Танюша, краше не было в селе...». Здесь два героя — парень и девушка, читателю представлен их диалог, что часто встречается и в жестоком романсе. Но все же главным герой стихотворения — девушка. А начало его однозначно находит опору в жестоком романсе «Хороша я, хороша...»¹¹. Причем, как и в предыдущем стихотворении, Есенин несколько «переворачивает» ситуацию. В романсе героиня сетует: «Хороша я, хороша, / Да плохо одета. / Никто замуж не берет / Девицу за это». У Есенина: «Хороша была Танюша, краше не было в селе, / Красной рюшкою по белу сарафан на подоле» [I, 21]. Таким образом, в романсе причина трагедии — плохая одежда и бедность девушки, ее сиротство; у Есенина героиня одета красиво, но это ее от предательства возлюбленного не спасает. В стихотворении «Хороша была Танюша, краше не было в селе...» отчетливо представлена такая черта романа, как «свернутость» сюжета. Мы не узнаем истории взаимоотношений Танюши с ее «парнем». Но, очевидно, что эти отношения были, поскольку в начале стихотворения изображается красивая и счастливая девушка, а парень, обращаясь к ней, называет ее «моя радость». Не объясняются в стихотворении и причины решения парня жениться на другой. Не вполне раскрыта и история гибели Танюши. В предпоследнем четверостишии описывается проезд свадебного поезда бывшего друга Тани по деревне, но непонятно, видит ли это брошенная девушка или она уже мертва, т. к. последняя строфа начинается сообщением о ее гибели: «Не кукушки загрустили — плачет Таня родня, / На виске у Тани рана от лихого кистеня» [I, 21]. Никаких подробностей гибели героини также не приводится. Однако все эти сюжетные лакуны легко домысливаются, исходя из житейского опыта, или восстанавливаются, если читатель знаком с жестокими романсами. Например, параллелью к сюжету «Танюши»

¹⁰ Восходит к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Тростник» (1832). В песенниках публикуется с конца XIX в. В начале XX в. жестокий романс имел широкое распространение в народной среде и часто назывался «Рыбак». Вариант данного романа см., напр.: Русский жестокий романс / сост., вст. ст., примеч. В.Г. Смолицкого, Н.В. Михайловой. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 1994. С. 16–17.

¹¹ Восходит к стихотворению создателя кружка поэтов-самоучек из народа И.З. Сурикова (1841–1890) «Сироткой я росла...» (1867). В песенниках публикуется с начала XX в.; в это же время имеет широкое распространение в народной среде. Вариант данного жестокого романа см., напр.: Песни и романсы русских поэтов. С. 947.

может быть новая баллада «На муромской дорожке...»¹², где в начале описываются клятвы «миленького» в верности, а затем его предательство и женитьба на другой. В этой песне изображается, как проезжает по деревне «изменщик» с новой женой и как брошенная героиня наблюдает за происходящим, а затем топится. Иногда в жестоких ромansaх находим объяснение тому, почему молодой человек решает жениться на другой: это может быть, например, по настоянию родни (например, в романсе «Вздумал мальчик пожениться...»¹³ отец запрещает сыну жениться на любимой, и юноша в результате закаляется саблей). Встречается в ромansaх и мотив убийства девушки парнем, узнавшим о ее измене (например, такая история рассказывается в песне «Бывали дни веселые...»¹⁴). У Есенина любовная коллизия соединяет два романсовых мотива: изменяет парень, становясь причиной несчастья девушки, но он же, по-видимому, и убивает ее, подозревая в неверности, поскольку в ответ на его признание в намерении жениться на другой Таня, скорее всего, в приступе обиды заявляет возлюбленному, что выходит замуж за другого.

Стихотворению «Подражание песне» также можно найти параллели в «мире» жестокого ромansa. Это стихотворение характеризуется еще большей «свернутостью» сюжета, его дискретностью. В начале рисуется ситуация, которую можно истолковать как любовную игру-флирт: девушка заигрывает с влюбленным в нее юношей, возможно, и испытывая ответное чувство. На такое восприятие наталкивает общий, скорее, радостный колорит начала стихотворения, хотя и с некоторым предощущением будущего несчастья: «Ты поила коня из горстей в поводу, / Отражаясь, березы ломались в пруду. // Я смотрел из окошка на синий платок, / Кудри черные змейно трепал ветерок. // Мне хотелось в мерцании пенистых струй / С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй. // Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня, / Унеслася ты вскачь, удилами звеня» [I, 27]. Затем следует замечание о прошествии некоторого времени и наступает трагическая развязка: девушку несут хоронить мимо окон влюбленного юноши. Причина смерти героини никак не объясняется. Как и предыдущее, это стихотворение, перекликающееся структурно с жестоким романсом, может быть прояснено, будучи соотнесенным с корпусом текстов жестоких романсов. Так, в жестоком романсе нередко коллизия, заключающаяся в том, что девушка отказывается от любви и выходит замуж за нелюбимого, однако погибает, бу-

¹² Автор слов неизвестен. Фиксируется фольклористами как широко распространенный жестокий романс с 1920-х гг., но, по-видимому, бытовал в народной среде и ранее. Варианты данного ромansa см., напр.: Русский жестокий романс. С. 101–103.

¹³ Автор слов неизвестен. Вариант данного ромansa см., напр.: Русский жестокий романс. С. 109–110.

¹⁴ Восходит к стихотворению поэта-самоучки, одного из основателей суриковского кружка П.Г. Горохова (1869–1925) «Изменица» (1901). Публикуется в песенниках и имеет широкое распространение в народной среде с начала XX в. Вариант этого жестокого ромansa см., напр.: Русский жестокий романс. С. 47–48.

дучи не в состоянии это пережить. Например, таков сюжет романа «Зачем ты, безумная, губишь...»¹⁵.

Наконец, два стихотворения Есенина «Темна ноченька, не спится...» и «Выткнулся на озере алый свет зари...», возможно, в меньшей степени вызывают ассоциации с жестоким романсом, потому что в них вроде бы нет трагического финала. Однако оба представляют собой историю любовных отношений, выходящих за рамки дозволенного, одобряемого традиционной крестьянской нормой. Параллелью к этим стихотворениям может быть жестокий романс «Шумел камыш, деревья гнулись...»¹⁶. Кстати, в народной традиции, где принято нередко обрывать песню, не допевая ее до конца, часто этот жестокий романс поют до слов: «Приду домой, а дома спросят: / Где ночь гуляла, с кем была? / А я скажу: В саду гуляла, домой тропинки не нашла», т. е. также не «проговаривая» печальной развязки: «всем» и так ясно, чем для девушки могут закончиться подобные отношения: «Сорвал, как с розочки цветочек, кому же я теперь нужна...»¹⁷. В сущности, и Есенин рассказывает не сулящую девушке счастливых перспектив историю, излагая ее с позиций парня и как бы «обрывая» на полуслове. Возможно, не случайно в финале стихотворения «Выткнулся на озере алый цвет зари» появляются не самые радостные слова: «И пускай со звонами *плачут* глухари, / Есть *тоска* веселая в алоях зари» [курсив наш. — С. С.]

Итак, на наш взгляд, просматривается существенная связь рассматриваемых стихотворений Есенина с жестоким романсом. Почему же этот жанр оказался востребованным поэтом в период его творческого становления? Наиболее очевидная причина, по-видимому, заключается в том, что в начале XX в. в среде деревенской, да и городской молодежи низшего и среднего социального слоя такого плана песни были очень популярны, они воспринимались как современные, отражающие новый взгляд на жизнь. Есенин, конечно, эти песни знал, они были у него на слуху. Уже упоминавшиеся исследователи В.В. Коржан и В.И. Харчевников нашли немало упоминаний о знакомстве Есенина с поздней народной песней в разного рода мемуарных свидетельствах¹⁸. Кроме того, жестокие романсы уже печатались в многочисленных песенниках, которые также начинающему поэту были доступны. Но, очевидно, помимо знания, нужно еще и некоторое внутреннее совпадение

¹⁵ Восходит к стихотворению М.И. Ожегова. Известна как популярный жестокий романс конца XIX в. Варианты данного романа см., напр.: Современная баллада и жестокий романс. С. 56–58.

¹⁶ Восходит к стихотворению Д.П. Глебова (1789–1843). С XIX в. публикуется в песенниках и имеет широкое распространение в народной среде. Вариант этого жестокого романа см., например: Русский жестокий романс. С. 95–96.

¹⁷ Отметим очевидную параллель в стихотворении Есенина: «Зацелую допьяна, изомну, как цвет...» [I, 28].

¹⁸ Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. С. 29, 34; Харчевников В.И. Поэтический стиль Сергея Есенина. С. 23–24.

с материалом, чтобы в опытах поэта сознательно или бессознательно этот материал оказался заимствован. Возможно, Есенину близким было трагическое, кризисное мироощущение жестокого романа. Исследователи неоднократно писали о том, что в ранних подражательных стихах Есенин тяготеет именно к трагическому мировосприятию, поначалу ориентируясь на Надсона¹⁹. Но эти подражательные стихи не приносят ему удачи и, скорее всего, сам Есенин, чувствуя их подражательность, хочет преодолеть ее. Тем не менее он ищет какой-то другой способ высказать свою сущностную личностную особенность — даже в прекрасном ощущать трагическое. И на данном этапе способ высказать эту свою особенность он «находит» в поэтике жестокого романа.

Однако очевидно, что анализируемые стихотворения нельзя рассматривать как написанные только в рамках фольклорной парадигмы. Опыты авторского творчества носителями фольклорной традиции периодически предпринимаются. Это «песни на случай», описывающие какую-то историю, широко обсуждаемую в деревенской или иной народной среде. Они чаще всего оказываются однодневками и быстро выходят из репертуара. Как правило, подобные произведения их авторы и не стремятся напечатать. Не было у Есенина и цели стать поставщиком стихов модных лирических бытовых романсов для домашнего музицирования. Слава М.И. Ожегова, ориентировавшегося на эту поэтическую «нишу» и немало преуспевшего на этом поприще²⁰, его явно не прельщала. Не ставил Есенин перед собой и задачу создания стилизаций — авторских версий фольклорного жанра жестокого романа. При том, что фольклорные стилизации в поэзии Серебряного века создавались в изобилии (самыми известными мастерами, и были своего рода литературной модой), Есенин, еще только мечтающий о литературном Олимпе поэт, должен был сначала продемонстрировать свою уникальность.

Еще раз подчеркнем, что, на наш взгляд, создавая рассмотренные стихотворения, начинающий поэт был занят именно поиском собственного «голоса». Об этом говорит стилистическое оформление стихотворений, сюжетно-композиционная структура которых осознанно, а возможно, даже и неосознанно, обращена к жестокому романсу. Их стиль явно не ориентирован на фольклорный жестокий романс, для которого характерны вербальная эклектика, использование поэтических штампов, нагнетание мелодраматизма, смакование страшных подробностей, натуралистические детали²¹. Чужды Есенину и характерные для смысловой

¹⁹ Куняев С., Куняев С. Сергей Есенин. С. 36–38.

²⁰ См. об этом: Гудошников Я.И. Русский городской романс. Учебное пособие. Тамбов: Тамб. гос. пед. ин-т., 1990. С. 69–70.

²¹ Гудошников Я.И. Русский городской романс. С. 70–76; Костюхин Е.А. Жестокий романс. С. 498–499.

организации жестокого романа глобальные обобщения и морализаторство²². Напротив, исследователи неоднократно отмечали стремление Есенина переосмыслить даже классические для фольклора стилистические приемы. Так, анализируя использование параллелизма в стихотворении «Хороша была Танюша, краше не было в селе...», Н.И. Кравцов отмечал: «Образ “кукушки загрустили” по своему оформлению слишком далек от народной поэзии (такое сочетание было бы невозможным в песне), хотя “кукушки” взяты из песни»²³. Рассматриваемые стихотворения нельзя упрекнуть в свойственных жестокому романсу увлечению описанием ужасов, излишней детализации, растянутости, чувствительности, натурализме. Есенин стремится уйти от поэтических клише. В этих стихотворениях уже заметны те художественные поиски, которые приведут к своеобразному, узнаваемому есенинскому стилю, сочетающему народные словесные обороты с изощренно и подчеркнуто индивидуально построенными приемами речевой выразительности, создающими «мир нереальный, неуловимый, сказочно преображенный», который одновременно всегда «предметен»²⁴. Появляющиеся здесь эпитеты («перезвонная волна», «береза-свечка в лунных перьях серебра», «тоска веселая»), метафоры («распоясала зарница в пенных струях поясок», «месяц в облачном тумане водит с тучами игру», «отражаясь, березы ломались в пруду», «в пряже солнечных дней время выткало нить», «выткался на озере алый свет зари»), сравнения («душегубкою-змеею развилась ее коса», «кудри черные змейно трепал ветерок»), если еще и не самые по-есенински оригинальные и прихотливые, то во всяком случае явно к этому стремящиеся.

В заключение вернемся к вопросу, почему эти стихи оказались в начале первого тома «Собрания стихотворений» и, возможно, со смещенными датами. В комментариях к полному собранию сочинений композиция, предложенная Есениным для своего «Собрания стихотворений», объясняется А.А. Козловским желанием поэта показать «различные истоки» своего творчества» [I, 396], принципом развития «лирических тем» [I, 397]. Действительно, если мы посмотрим на расположение стихотворений в начале первого тома, то заметно, что стихи любовной тематики и пейзажные зарисовки сменяются произведениями, обращенными к осмыслению вопросов веры. Возможно, любовная лирика, да еще и ощутимо связанная с жестоким романсом, принесшая в первой половине 1910-х гг. Есенину первые творческие успехи, в 1920-е гг. кажется ему уже недостаточно серьезной, может быть, менее значимой частью собственного творчества. Тем более что в «общественном мнении» жестокие романы в иерархии фольклорных жанров занимали довольно низкое место (даже по сравнению с частушкой). Так, в 1911 г.

²² Костюхин Е.А. Жестокий романс. С. 497.

²³ Кравцов Н.И. Есенин и народное творчество // Художественный фольклор. М.: [Б.и.], 1929. Вып. IV–V. С. 194.

²⁴ Марченко А. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1989. С. 19.

А.Н. Пыпин в «Истории русской литературы» оценивал их негативно²⁵, а после революции этот жанр постоянно характеризовался как «мещанский», «мелкобуржуазный». Отношение к нему следующим образом суммирует С.Ю. Неклюдов: «Не расценивать романс как часть фольклорной традиции оказывалось возможным прежде всего из-за вкусового отношения к нему со стороны ревнителей “чистого” народного искусства (“пошлость”, принадлежность к “фабрично-лакейской среде”). Тому же способствовало явное наличие авторского начала у истоков каждого конкретного произведения и активное участие в его распространении книжных форм (“песенники”), противоречащее понятиям о “фольклорности” текста. Но в конце концов и романс пришлось признать фольклорной формой, хотя и “извращенной”, своего рода фольклорной “декаденщиной”»²⁶. Возможно, в связи с этим Есенин и посчитал, что уместнее будет датировать свои «жестокоромансовые» стихотворения более ранними годами. Выстраивая свой творчески-биографический миф, он использовал в данном случае принцип «возрастающей серьезности».

Список литературы

1. Адоньева С., Герасимова Н. «Никто меня не пожалеет...» // Современная баллада и жестокий романс / сост., ст., морфологические таблицы С.Б. Адоньевой, Н.М. Герасимовой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 338–365.
2. Гудошников Я.И. Русский городской романс. Учебное пособие. Тамбов: Тамб. гос. пед. ин-т, 1990. 90 с.
3. Козловский А.А. Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. С. 385–664.
4. Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. Л.: Наука, 1969. 199 с.
5. Костюхин Е.А. Жестокий романс // Современный городской фольклор. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. С. 492–502.
6. Кравцов Н. Есенин и народное творчество // Художественный фольклор. М.: [Б.и.], 1929. Вып. IV–V. С. 193–203.
7. Куняев С., Куняев С. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 2017. 596 с.
8. Марченко А. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1989. 304 с.
9. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. С. 5–26.
10. От редакции // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос. 1995. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. С. 5–12.
11. Пыпин А.Н. История русской литературы: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911–1913. Т. 1. 537 с.
12. Скороходов М.В. Сергей Есенин: Истоки творчества (вопросы научной биографии). М.: ИМЛИ РАН, 2014. 383 с.
13. Харчевников В.И. Поэтический стиль Сергея Есенина. Ставрополь: [Б. и.], 1975. 247 с.

²⁵ Пыпин А.Н. История русской литературы: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911–1913. Т. 1. С. 93–96.

²⁶ Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города / Современный городской фольклор. С. 7.